

Эта сутра тоже была даром императрицы У. Великая Тан провозглашала себя потомками Сюаньюань-ди, основав государство на учении Дао, и буддизм официально не поощрялся. Однако женщины во внутренних покоях часто были буддистками, и даже столь высокопоставленная особа, как Небесная императрица, не избежала общего обычая. Но, считаясь с Небесным императором, при раздаче наград она в основном одаривала классическими текстами вроде «Лао-цзы» и «Сяоцзина», а буддийские сутры жаловала лишь самым приближённым сановникам и учёным.

То, что Ваньэр, будучи женщиной из задних покоев, удостоилась этой сутры «Хуаянь», было не только признаком её близости к императрице, но и похвалой её таланту, знаниям и уму. Хотя с детства её обучали семейной традиции, почитающей Конфуция и Мэн-цзы, а не Будду, она всё равно выучила эту сутру наизусть с особым тщанием. По памяти она раскрыла её на гимне из раздела «Пробуждение света Татхагаты»:

Блуждающие в потоке сансары, погружённые в море страсти,

Опутанные густой сетью заблуждений, охваченные великим мраком страха, —

Лишь стойкие, кто отринул гордыню, способны всё это разрушить...

****Примечание автора:**** Пробормотав про себя несколько строк, она почувствовала, как сердце её просветлело. Подумала: хотя в буддизме много говорят о пустоте и небытии, в деле успокоения сердца и искоренения страстей он действительно приносит пользу. Жаль только, что это не путь конфуцианской школы, и нельзя им постоянно увлекаться.

Перечитав свиток ещё раз и почувствовав, что что-то постигла, Ваньэр отложила его в сторону. После долгой службы, внезапно оказавшись на досуге, она ощутила усталость, скинула одежду, повалилась на постель и погрузилась в глубокий сон.

Но страсти, лишившись сдерживающего влияния «Хуаянь», снова проникли в сновидения, лишив её покоя. Она отмахивалась, с трудом разогнав всех мужчин и женщин, принявших облик соблазнительей, — и вдруг увидела величественную даму в роскошных одеждах и вышитой короне, которая невозмутимо подошла и встала перед ней.

Из-за покрывала мила Ваньэр не могла разглядеть её лица. Грациозно поклонившись, она спросила имя. Женщина громко рассмеялась, одной рукой откинула покрывало — и Ваньэр увидела лицо нынешней Небесной императрицы, госпожи У.

В ужасе Ваньэр резко села. За окном царил одинокая ночная тишь, холодная луна висела серпом. В комнате же она вся обливалась холодным потом, промочившим одежду.

Матушка запретила мне упоминать кому-либо о своём участии в придворных совещаниях, но молча велела Ваньэр переписать для меня некоторые императорские указы, распоряжения, а также краткие доклады из Чжуншунэна и Мэньсяшэна, чтобы я могла их изучать. Моё предложение в тот же день было подано Лю Ичжи, который специально добавил пункт: раз это приказ Небесной императрицы, то не нужно скреплять его императорской печатью, достаточно печати императрицы.

Доклад быстро прошёл при молчании двух канцлеров и одобрении трёх других. Так впервые со времён основания нашей династии Тан Чжуншунэн и Мэньсяшэн стали исполнять «приказ Небесной императрицы», а не «скреплённый печатью указ Небесной императрицы от имени

Его Величества».

В наше время, когда превыше всего ставят ритуал и закон, пусть все распоряжения исходили от матери, но разница между приказом Небесной императрицы, подменяющим императорский указ, и приказом, исходящим непосредственно от имени Небесной императрицы, была огромна, как между небом и землёй. Постичь эту разницу могли лишь те, кто хорошо разбирался в управлении. А те, кто разбирался, увидев такой указ, сразу понимали намерения матери и быстро решали, как им поступать. В этом и заключался глубинный смысл моих слов, за что мать меня высоко оценила.

Исполнение административных решений через «приказы Небесной императрицы» было лишь началом пути матери к регентству и даже восшествию на престол. Однако, ясно обозначив матери свою позицию и ум, я не должна была дальше активно вмешиваться.

В первый же день введения практики «приказов Небесной императрицы» через Чжуншуншэн и Мэньсяшэн мать распорядилась повысить трёх назначенных отцом в завещании регентов: Лю Жэньгуя — до левого пуге Чжуншуншэна, Пэй Яня — до чжуншуншэна, а Сюэ Юаньчао — до шичжунана. Затем она повысила ранее приближённых Лю Ичжи, Ху Юаньфана, Юань Ваньцина и других до должностей чжуншуншэншилана, чжуншуншэншэжэня и прочих.

В середине пятого месяца Ли Жуй окончил траур и взошёл на престол, провозгласив мать вдовствующей императрицей. Он назначил отца супруги наследного принца Вэй Сюаньчжэня цыши округа Пу, старшего брата супруги наследного принца Вэй Сюня — чэном уезда Цзиньтан, а единоутробного брата супруги наследного принца Вэй Ушэнжэня, сменившего имя на Цин, — чжэнцзы Секретариата. У Чэнсы, У Саньсы и другие также получили повышения: У Чэнсы стал шаншу Министерства ритуалов, У Саньсы — шаншу Министерства войны и генералом правой стражи, У Ицзун остался цзянь Дворцового управления и, как прежде, командующим левой стражи ворот. Десятки членов семьи У получили различные должности. Простолюдин Ли Шэн был пожалован титулом цзюньвана Цзиньяна с доходом с пятисот реальных дворов, простолюдин Ли Бинь — цзюньвана Пуяна с доходом с трёхсот реальных дворов. Прочие ваны и гунчжу были награждены согласно рангам. Я же, поскольку во время траура от чрезмерной скорби «довела себя до изнеможения и падений», выказав тем самым подчёркнутую сыновнюю почтительность, была особо пожалована дополнительным доходом со ста реальных дворов и титулом чанлэ чан-гунчжу.

Пожалования, которые Ли Жуй сделал императорскому клану, в основном были обычными, ничего особенного. А вот награды семьям Вэй и У весьма примечательны. По обычаю, Вэй Хуань должна была стать императрицей, и её отец Вэй Сюаньчжэнь, даже если бы не получил титул, должен был стать цыши верхнего округа. Но его назначили лишь цыши среднего округа, да ещё и в далёком от столицы, в труднодоступном Шу, округе Пу. Вэй Сюня назначили чэном уезда высшей категории, что для обычного отпрыска знатной семьи неплохо, но для брата императрицы — более чем скромно. Вэй Цин, хоть и получил должность чжэнцзы Секретариата, дающую доступ в правительственные учреждения и возможность часто бывать перед императором, что сулит прекрасные перспективы, имел ранг всего лишь 9-го класса низшей ступени — опять же, для обычного человека хорошо, а для брата императрицы — не ахти. Взгляните же на семейство У: тех, кто носит пурпурные одеяния, несколько человек, а младшие родственники все облачены в халаты не светлее светло-алого. Столь явное предпочтение в указе кое-как объяснили сыновней почтительностью императора, мол, не смеет возвышать родню императрицы над роднёй вдовствующей императрицы, — но это всё равно вызвало в столице скрытое волнение.

И, словно боясь, что министрам ещё мало для догадок, не дожидаясь и шестого месяца,

император повелел цзюньванам Цзиньяну Ли Шэну и Пуяну Ли Биню прибыть в столицу.

Слухи, будто на крыльях, разлетелись по столице, но всё это пока меня не касалось.

В начале шестого месяца резиденция гунчжу в квартале Синдао была достроена, и мне пришлось попрощаться с матерью и переехать из дворца в новое жилище.

Мать особым указом выделила мне пятьсот отпущенных со службы дворцовых женщин, приказав Сун Фую, Фэн Шилян, Ван Сяньсянь, У Сяолану и другим переехать вместе со мной. Тайком она подарила мне сто рулонов узорчатой парчи, двадцать сундуков утвари из золота и серебра, десять шкатулок драгоценностей, двадцать коней из императорских конюшен и полей на сотню цингов.

Ли Жуй же пожаловал двести и золотых слитков, три тысячи отрезов цветных тканей, Чжэн Бо получил дополнительный доход с пятидесяти дворов и два пурпурных халата. Поскольку со смерти отца прошло не так много времени, неудобно было устраивать в мою честь пир, поэтому просто велели придворным литераторам сочинить множество стихов и прозы, а лучшие из них начертать на беседках и павильонах.

По сравнению со мной, вселение мужа, Чжэн Бо, выглядело убого. С собой он привёл лишь двух слуг-мальчиков, двух старых слуг да кормилицу, больше никого. Вещей у него было всего семь-восемь сундуков.

По замыслу покойного отца, мне следовало навестить старшего брата и невестку Чжэн Бо, выказать почтение старшим рода Чжэн. Но теперь всё это отменили под предлогом, что я поправляю здоровье. Напротив, старший брат и родственники Чжэн Бо сами являлись ко мне с визитами. И даже так мать боялась, что со мной обойдутся непочтительно, и специально отправила ко мне на время проживать дворцовую старшину, госпожу Хэлоу.

Госпожа Хэлоу, в сопровождении высокоранговых женщин-чиновников из запретного города, день-деньской стояла рядом со мной в услужении. Так что члены семьи Чжэн не только не смели принять мои поклоны, но и сами должны были сначала поклониться госпоже Хэлоу, что по сути было поклоном мне.

Такое высокомерие и пренебрежение и вправду не было моим истинным желанием, но сейчас я совершенно не хотела сближаться с этим двоюродным братом Чжэн. Поэтому, хоть и видела, как многие старшие негодуют и недовольны, продолжала изображать надменность. Каждый раз, принимая гостей, я непременно выстраивала по сторонам несколько десятков служанок, все в узорчатых шёлковых платьях и юбках, заполняла покои пожалованными императором вещами, создавая показную роскошь, ещё более вызывающую, чем в загородном дворце в округе Жу. Любое сообщение снаружи должно было пройти через пять и более человек, иногда, когда с ворот докладывали о прибытии гостя, я специально заставляла ждать и не гнушалась дать слугам знать, чтобы те передали это ожидающим.

<http://bllate.org/book/16278/1466892>